

Саша Семигорская

18+

ПОШЛИНА
НА ТРУП

Саша Семигорская

Пошлина на труп

<https://litres.ru/74243159>

SelfPub; 2026

Аннотация

В Вольной Гавани сборщики не спрашивают, откуда у тебя покойник. Спрашивают, сколько ты за него заплатишь.

Тая Хинфан — убеждённый алхимик. Её очередной эксперимент закончился штатным взрывом. В рамках допустимой погрешности. Обошлось без трупов, пока кто-то из соседей не поделился своим.

Теперь Тая должна сумму, которую не заработала за всю жизнь, а сборщик щедро выделил три месяца и уютную плаху.

Но Гавань полна сомнительных возможностей, а Тая полна надёжных планов. Осталось не наплодить новых трупов. Или хотя бы спихнуть их кому-то другому.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Саша Семигорская

Пошлина на труп

Глава 1

Опытные соседи уже заперли двери и спрятались. Над домом Таи Хинфан поднимался зелёный дым.

Остаться просто зелёным ему не хотелось. Он закручивался в фигуры русалок и грибов, окрашивался в розовый, ускользал выше и достигал чаек в небе над Вольной Гаванью. Чайки от этой встречи восторженно падали замертво. Две птицы увернулись от облака с такой прытью, что можно было заподозрить их в разумности.

Очередная неразумная шлёпнулась на мостовую. Стелившиеся по камням туманные язычки взметнулись вокруг тушки, улеглись — и поплыли дальше. Видимого вреда не причиняли, но на всю округу воняли сваренной с рыбьими кишками капустой. Соседка с грохотом захлопнула последнее открытое окно.

Хозяйка руин наблюдала с другой стороны улочки. Здесь, по её мнению, находилось лучшее сочетание безопасности и возможности созерцать результат алхимического опыта. Девушка держала на сгибе локтя холщовый мешок с ляжками, а в руке — жареную куриную ногу. Пропускать обед только

из-за взрыва лаборатории было бы глупо.

— Зато левые полдома удержались. — Тая оторвала зубами кусок мяса. — Я и на половине уместюсь.

Стоявший рядом Берзан Лимлай опирался на стену и походил на скептически поджавшую губы гору. Он возвышался над хрупкой девушкой на пару голов и мог бы унести её на плече, даже не почувствовав. Чем иногда пользовался.

Парень покрутил в руке кольцо вяленого кальмара и обвёл взглядом уцелевшие камни. Рвануло на кухне. В остальном сохранилось почти всё из того, что пережило прошлые осечки — часть второго этажа, кусок крыши и даже доски, заменявшие пару оконных стёкол. Гармонию нарушал провал в стене, из которого продолжал валить дым.

Берзан поднёс кальмара к носу, занюхивая вонь алхимии.

— Но все твои порошки теперь развлекают чаек. Инструменты опознаешь по осколкам и ключьям латуни. — Он оглядел стоящие рядом дома. — Соседей не убила. Дёшево отделалась.

— Пока.

Тая указала обглоданной косточкой на вытекавшую из-под двери дома оранжевую жижу. Непредвиденный результат опыта угрожающе пузырился и стрелял брызгами во все стороны. Мостовая под ним сжималась и краснела.

Берзан сунул кальмара в рот и неторопливо прожевал.

— У тебя есть зелье, которое это успокоит? Или хоть мазь, которая сделает твоё лицо не твоим? Навсегда.

Тая пожала плечами, прицелилась и швырнула косточку в лужу. Жижа с аппетитом хлюпнула и обволокла добычу. Тая вытянула шею.

— О, забурлило.

Кость с фонтаном вылетела на высоту роста Берзана, кувыркнулась в воздухе и стукнулась о брусчатку. Трижды подскочила, остановилась и пошла в рост. За секунды она достигла размеров полена и издала звук, напоминающий пьяную песню. Лужа стала в полтора раза шире.

— Ну... — Тая прочертила пару линий ногтем на ладони.

— Её нельзя кормить.

Берзан скрестил руки на груди.

— Очевидно.

Тая выудила из кармана потрёпанный, но чистый клетчатый платок и принялась вытирать пальцы, не отрывая взгляда от жижи.

— Также очевидно, что кость мертва, а растёт. Магия смерти, больше некому. И поёт — вероятно, воздух. Минимум две ветви в одной луже. — Она хмыкнула и расправила плечи. — Если эмульсия устойчива, можно гордиться. Изда-лека.

Берзан возвёл глаза к небу. Тая продолжила:

— А что там ещё из битых склянок натекло, один морской зубастик знает. В это варево пусть лезет тот, кто бессмертный. — Девушка кивнула на соседний дом. — Ну или Астерина, эту старую каргу не жалко. Я туда ни ногой, ни паль-

цем.

Окно Астерины возмущённо скрипнуло створкой. Тая скорчила ему рожу.

Берзан проводил взглядом пузырь на поверхности лужи.

— Вот где кончается азарт Таи Хинфан. На краю этой дряни. — Он шагнул подальше и снова прислонился к стене. — А план какой? Стоим и ждём, пока само сдохнет?

Тая убрала платок и пригладила взъерошенную копну мелких светлых кудрей.

— Первый пункт плана: рыбный пирог. — Она сорвала с запястья ленту и завязала хвост на затылке. — И капля эля. Две капли. Идём к Зетте. Реакция к завтрашнему вечеру точно уляжется. Вернёмся — разберём, что сдохло, что уцелело, и кто рискнёт поторговаться за убытки.

Берзан вытянул руки перед собой и повёл ладонями в воздухе, повторяя контур дыры в стене.

— Как считаешь, в этот проход два жирдяя разом пройдут? Или три? — Он обернулся к Тае и поджал уголок губ. — Пока ты жуёшь, кто-то шустрый перетащит уцелевшее ближайшему скупщику. Астерина тебе уже грозилась. Старуха точно шепнёт кому-то.

Тая протяжно вздохнула.

— Какой ворюга полезет в лабораторию алхимика без заветования? Тем более в ту, где булькает и дымится. К тому же, — она тряхнула мешком, — всё, что стоило уберечь, уже при мне. Остальное пусть тащат, если руки лишние.

Берзан прищурился, изучая мешок тем же взглядом, каким оценивал краденое добро.

— Что на этот раз? Туша трёхкопытного петуха?

— Лучше! Глянь. — Тая вытащила тряпичный свёрток и бережно развернула. Солнце заиграло на всех морщинках засохшего яблочного огрызка. — Его фоксан чувств съел. Не спрашивай, кто, я знать не знаю. Просто повезло найти. — Она убрала огрызок, закинула мешок на плечо и двинулась по переулку. — Ещё бутылка, которую фоксан материи в руках вертел. И песок... — девушка понизила голос. — На него маг воды наступил. Настоящий маг, не фоксан. Прямо в порту добыла.

Берзан хмыкнул и сунул руки в карманы, шагая рядом.

— Так это тот, который течения крутит. Там поди полберега в его следах. Мелковата находка.

— Да прям! — Тая ткнула его кулаком в бок. — Он там понаставил на дно своих игрушек, они и работают. А сам смылся домой на Золотой Гребень. — Она махнула рукой в сторону северного мыса бухты. — Я месяц караулила, когда его позовут воду к весне перетряхнуть. Месяц! Так что не «мелковата», а заслуженный трофей.

— Заслуженный — это когда рыбак тебе саму воду с магией из моря тащит, пока ты дома лежишь. А у тебя — вымученный.

— Хороший компонент без мук не достаётся. А оценщику положено знать, какие рыбаки цены ломают. Пять таленов

за стакан! — Тая пнула пустую бочку, забытую посреди переулка. — И самой в море не выйти — меня там причальные в лицо запомнили.

— Ещё бы не запомнили. Два ведра переть — не флягу за пазуху сунуть.

Тая глянула на него из-под бровей. Берзан рассмеялся и поднял ладони.

— Ладно, признаю. Ты великий следопыт. Шляпу б снял. — Он потёр коротко стриженную макушку. — А в бутылке что ценного? Ты же сама фоксан материи.

— Так я латунь гну, а тот парень — дерево. И у меня согнутое застывает, а он руку убрал — и доска обратно разогнулась.

— А что толку? В твой котёл какого фоксана ни кинь — вылезет не то, что ты ждала.

Тая раскинула руки.

— Я алхимик. Моя работа — делать не то с умным лицом. А чужой дар — это свежее «не то». Может, однажды попадётся величайшее «не то» в Гавани.

— Ну, сегодня ты точно на пути к величию. — Берзан ткнул большим пальцем за спину, где ещё виднелся столб зелёного дыма. — Чайки уже склонили головы.

— Это не то «не то». Это ошибка инструмента. — Тая встряхнула мешок. Инструмент виновато звякнул внутри. — Я б эти агатовые щупы в бухте утопила. Но от других вообще непонятно, чего ждать. Эти хоть врут знакомо.

Берзан кивнул. Он давно выучил, что красный агат у Таи виновен не только во взрывах, но и в дождях, простудах и каждой подгоревшей сардине.

Улица Буйных Огней приближалась — из бокового проулка, прижимая к груди бутылку, вывалился краснолицый матрос. Он осмотрел Берзана мутным взглядом, икнул и принял верное решение рухнуть ничком.

Тая остановилась у пьяного тела.

— Только из ходки.

— Зря сразу надрался. — Берзан поддел моряка ногой и перевернул набок. — Теперь ни в одном борделе не примут.

Девушка наклонилась и выдернула из кармана павшего бумажный кулёк с солёными крендельками.

— Так, может, он сначала в бордель и зашёл, а потом надрался?

— Ерунда. — Берзан указал на отпечаток ботинка на штанах обворованного бедолаги. — Это Большого Роя нога. А «Сытый боцман» — первый трактир, если из порта топать. Не дошёл он до борделя.

— Куртизанку, выходит, без заработка оставил. — Тая перешагнула моряка и хрустнула кренделем. — Я отомстила за неё. Вкусно.

Она положила ещё один крендель на язык и прикрыла глаза, наслаждаясь особенным привкусом краденой еды. Берзан догнал Таю в два шага, стянул из кулька добычу и закинул в рот.

— Вкусно. — Он прожевал и покосился на Таю. — Но с бутылкой не убедила. Фоксаны разума, чувств — это ясно, их ещё попробуй найди. Огрызок — ценность. Полновесный маг — само собой. Но фоксан материи? Пошла бы да попросила ещё. Или этот тоже пять таленов заломил?

— Не заломил. — Тая перехватила мешок поудобней. — В море он ушёл. Куда-то на север, далеко. Там штормит так, что мачты трещат, вот его и наняли. Чтоб гнулись, а не ломались. Раньше Пьяного Моря не вернётся.

Берзан потёр середину лба и махнул рукой.

— Ладно, твоя взяла. Бутылка — сокровище. Идём есть.

Тая улыбнулась, вскинула голову и прибавила шаг.

Улица Буйных Огней преданно служила единственному богу города — деньгам. Её делом было выжимание кошельков всех, кто прибыл в порт. Широкий рассадник кабаков, борделей и двусмысленных купален начинался от набережной и заканчивался не для всех удачно.

Днём улица притворялась работающей: скрипела гружёными телегами, звенела монетами, обсчитывала, обвешивала, пахла смолой и потом. Злачные заведения работали вполноги. Ночь ещё не взяла своё, но уже выглядывала из-за угла, поигрывая бутылкой и выставляя ножку в разрезе юбки.

Таверна «Солёная кружка» не сверкала прелестями, но обещала горячую еду, холодный эль и крышу, которая не текла, пока не начинался дождь.

Первый этаж занимала трактирная стойка и десяток побитых жизнью и чужими головами столов. На втором уместились пять спален: Берзана, его сестры Зетты и ещё три для тех, у кого нашёлся тален за ночлег. А тем, кто наскрёб лишь пятьдесят фертов, распахивал дверь гостеприимный чулан.

Таверна держалась на трёх ногах: ром, эль и умение Зетты гасить драки взглядом. Если навыков трактирщицы оказывалось мало, взгляд становился по-родственному требовательным и смещался к Берзану. Именно так Зетта встретила вернувшихся из алхимического пекла друзей.

Тая поморщилась: пирогами не пахло. Пахло лимонами. Ящичками, кадками и бочками лимонов, среди которых Зетта неоднозначно махала ножом. С виду она резала плоды крест-накрест, но острие явно поворачивалось в сторону Берзана.

— Ты совладелец или пассажир? — Нож воткнулся в стол.
— Меня другая работа ждёт. Твоя вахта.

Берзан выставил перед собой ладони.

— Я оценщик и вышибала. Если ты эти лимоны стырила — я их оценю. Если купила — ты переплатила. А резать — это к кухарке.

— Кухарка сбежала. Не выдержала моего командования.
— Зетта сунула в разрезанный лимон ложку соли и бросила его в кадку. — Не виню. Я, может, тоже устала командовать. Бери нож.

Тая тихо застонала. Пироги отсутствовали безвозвратно. Не прятались за запахом лимонов, не ждали очереди в печь,

а удрали вслед за кухаркой. Девушка обернулась к двери. За ней Буйные Огни обещали еду и выпивку любому кошельку, даже её.

Зетта поднялась и, вытирая руки о передник, загородила путь к отступлению. Её взгляд не предвещал ничего съедобного.

— Даже не косись туда, чайка. Для тебя тоже дельце есть.

Тая вздохнула, подхватила из ящика жёлтый плод и подкинула на ладони.

— Я могла бы намешать тебе рассол с магией, но в лаборатории идёт эксперимент. Однако гипотезу выдвинуть могу хоть сейчас. Ты готовишь кислую казнь. Чью морду ты хочешь скривить до затылка?

— Лимон с солью — почти алхимия. Изучай. — Зетта пнула дубовую бочку. — Это не на казнь, а на продажу.

Берзан облокотился на стойку и ухмыльнулся так, что руки Зетты потянулись к ножу. Тая перехватила оружие, лишив заведение кровопролития, и вонзила его в лимон. Лимон пострадал.

— Зетта, сейчас даже оборванцы на Горелом Берегу это солят. — Берзан подхватил три глиняные кружки и двинулся к бочонкам в углу. — Ты чем всех перебить собралась? Своим ласковым обхождением?

Зетта дождалась, пока он наполнит кружки тёмным элем, отобрала одну, жадно глотнула и лишь потом заговорила:

— Вот ещё. Будто я прямо тут продавать собралась. —

Она хлопнула ладонью по ящику. — Южанам пойдёт. В Аскарии солёный лимон — как у нас их перец. На внешний рынок выходить надо, понял? — Зетта уселась на край стола и качнула ногой. — В «Кружку» аскариец повадился. Помощник купца, не матрос. Накладки у них с нашими портовыми, а кошелёк жмут. А пока жмут — на штрафном приколе стоят. Вот и считай. Пока они зубами скрипят, я им трюм забью.

Берзан прищурил глаз, разглядывая сестру, отпил эля и причмокнул.

— Будто у них лимоны не растут. И думаешь, почему откупиться не хотят? Это ж аскарийцы. С их законами, печатями, бумажками с гербами. — Он поставил полную кружку перед Таей, которая увлечённо пилила лимон. — И поставщики у них наверняка от прадеда ещё. А ты ему кто? Или уже напоила до того, что он твой навеки?

Зетта фыркнула.

— Пыталась. Он на мою помятую рожу не клюнул. — Она подошла к Тае и нависла над головой. Тая съёжилась и прикинула расстояние до двери. — Но у нас тут алхимик на борту. Вот и намешай чего-нибудь. Хоть для лимонов, хоть мужика охмурить — как выйдет. Он либо на товар потянется, либо на твоё красивое личико.

Тая сдвинула брови. Чуть вздёрнутый маленький нос, острый подбородок и большие зелёные глаза делали её похожей на куклу. Девушка считала, что именно это мешает окружающим разглядеть учёного. Она швырнула лимон в бочку и

отодвинулась от трактирщицы вместе со стулом.

— Кого охмурять, аскарыйца? — Тая принялась загибать пальцы. — Во-первых, они зануды. Во-вторых, некромантов жгут. Как учёный, я протестую. Как деловой человек — негодую. Маги дорого берут, и сборщику золотишко отсыплют. А аскарыйцы их — в костёр. Дилетанты. — Она потрянула головой. — В-третьих, моё лицо — побочный эффект, не инструмент. А вот лимоны...

Девушка уставилась в потолок. В голове бегали и толкались формулы, цифры и компоненты. Мысль спотыкалась о воображаемые останки дома, вставала и снова падала. Чего-то не хватало. Щепотки катализатора. Или целой лаборатории.

— Стоп. — Тая схватила кружку и отхлебнула. — Я за пирогом пришла. Рыбным. А ты мне лимонную каторгу на голодное брюхо. Это несерьёзно. — Она откинулась на спинку. — Сначала поесть. Завтра скажу, что можно выжать из лаборатории. А хочешь охмурять — куртизанку найми.

Зетта усмехнулась.

— А я и наняла. Скоро явится. Мейса. Да вот она не в нужном виде. С грузом. — Трактирщица похлопала по животу, обернулась к брату и скрестила руки на груди. — Твой груз, папаша. Кольцо готовь.

Эль свернул не в то горло Берзана. Парень закашлялся, согнулся пополам и замахал рукой. Тая цапнула ближайший лимон и впилась в него зубами, переводя взгляд с жертвы

на палача. Зетта не впервые пыталась женить брата, но беременные куртизанки в её арсенале ещё не появлялись.

— Какой, сожри тебя медуза, папаша?! — Берзан вытер рот рукавом. — Да я к Мейсе полгода не ходил. Я этому грузу даже не дядя!

— Так и грузу полгода. — Зетта пожала плечами и фыркнула. — Да хоть и не папаша. Ты суть улови. Мейса — девка дельная, работы не боится. Палубу готова драить, по камбузу помочь. Лет через пять ещё одни руки подрастут. Картошку чистить. Через десять — булки печь.

— Протестую! — Тая ударила кружкой по столу. — Рабы, даже кухонные, в Вольной Гавани в чёрном списке товаров. Напомню: в настоящем чёрном.

— Зетта! — Берзан ткнул пальцем в сторону сестры. — Нужна жена — сама замуж иди. За пекаря, за боцмана, хоть за сушёного осьминога. Ты здесь капитан, тебе и наследников растить. Моё дело — пить эль, взвешивать краденое и буйных за порог вышвыривать.

— Да я бы и вышла! — Зетта пнула ящик к стене. — Только префектура бумагу о вдовстве ещё год мариновать будет. А пока не признали, что муженька крабы сожрали — я замужняя.

— А купить? — Тая раскинула руки так, что надкушенный лимон улетел в угол. — Тридцать таленов — и крабы сожрали его официально. Хоть сегодня замуж.

— Тебе-то легко рассуждать. — Зетта упёрла руки в бока.

— Мужья понимающие. Померли и без доплат оформились. А мне свои кровные выкладывать?

Тая отпила из кружки и подняла палец.

— Это не они понимающие. Это аномалия. Просто очень удачная.

Зетта махнула рукой, подхватила кадку с лимонами и зашагала на кухню. Как только дверь захлопнулась, Тая с выдохом растеклась по стулу. Берзан держался крепче — просто опустил плечи. План с пирогами был похоронен, но надежда на густую рыбную похлёбку ещё цеплялась за край тарелки.

Мейса с пузом явилась через полчаса. Она приехала в Гавань с Тихих островов с горящими карими глазами и грандиозной мечтой. Мечта имела свои планы и запихнула её в купальню «Жаркие воды», а затем окунула в «Солёную кружку», что было ещё очень великодушно.

Берзан и Тая встретили куртизанку хмурым взглядом, и та благоразумно заговаривать не стала.

Друзья устроились в привычном углу. Оценщик раскладывал на столе лупы и щипцы, готовясь примериться к воровской добыче.

Тая засунула в тайник под столешницей балансник — прибор, немного оттягивающий момент смерти алхимика. Из погнутой латунной коробки торчали семь тросиков со щупами из красного агата — по одному на каждый вид магии. Но услышав о ней, любой вор умножал цену с таким усердием, что у него дымились мозги. Тая не могла этого до-

пустить. Она пропустила тросики под рубашкой и вытащила из рукава только скромные кончики щупов.

Зал набивался моряками, докерами и шулерами. Публика приносила запах эля и табака, гудела байками, хохотала и иногда отвлекалась на стук упавшего тела. Берзану и Тае наконец досталось по миске похлёбки. Тая втянула аромат и вспомнила о светлых сторонах Зетты.

Берзан, не отрываясь от супа, осматривал краденые безделушки. Тая незаметно тыкала в них щупами. Дважды агат потеплел. Еле-еле, но алхимику пригодится и такое. В «Солёной кружке» Тая могла позволить себе многое. Берзан, не моргнув глазом, но заметив особое моргание подруги, называл вору цену, от которой тот вздыхал, ворчал, но соглашался продать на месте, чтобы пропить наконец заработанное. Пропивали обычно здесь же, так что барахло с магией доставалось Тае, а её монеты делали круг по залу и ссыпались в кассу Лимлаев. Всем было удобно. Мнение вора не учитывалось.

Тощий тип в потёртой зелёной шляпе бросил на стол оценщика круглый серебряный амулет на цепочке.

— Это, что ли, твоя семейная ценность?

Тая выпрямилась. Берзан подался вперёд, но тут же скривил губу и качнул головой.

— Не она. В моей дырка в центре и два красных камня.

Он привычным жестом бросил товар на весы, а Тая подпёрла рукой щеку, разглядывая отблески серебра. Опять не

того серебра.

Поток краденого постепенно истощался, и Берзан устал на Мейсу. Та сновала по залу, выпятив живот, как нос корабля. Расчёт был верен: ни одна пьяная рука не тянулась к куртизанской корме.

— Как считаешь, — Берзан откинулся на спинку и вытянул ноги под столом, — за труп беременной пошлина двойная?

Тая отставила пустую тарелку, притянула кружку и с задумчивым видом постучала пальцами по ручке.

— Это же гипотетический вопрос? Ты и одинарную не вытянешь. Разве что долю в таверне продашь.

Берзан закинул руки за голову и покачался на стуле.

— Само собой, гипотетический. Я и за один труп платить не собираюсь. Бухта под боком, булыжник найдётся. А нет трупа — нет пошлины.

— Ну... — Тая глянула на живот Мейсы и хмыкнула. — Двойную заломят. Но сторговаться до полуторной — плёвое дело. — Она перевела взгляд на Берзана. — А план у тебя какой? Кроме гипотетического булыжника?

Берзан отхлебнул эля и пожал плечами.

— Да пусть тесто месит. Пока не лезет ко мне. А лет через пятнадцать гляну на кухонного раба. Если отрастит моё лицо — впишу в завещание. Гипотетически.

Вечер катился, как и всегда: пойло, гвалт, сплетни. Под занавес Берзан извлёк из-под столов три туши. Одна вста-

ла и даже куда-то побрела, другие улеглись с двух сторон от крыльца. Ночи стояли ещё прохладные, но не настолько, чтоб к утру получить окоченевшую неприятность под дверью. Зимой их оттаскивали подальше — к чужой двери. Соседи занимались тем же, поэтому выигрывал тот, кто очистил свой порог, пока город не слишком проснулся. Гильдия трактирщиков отчасти решала проблему парой телег и тёплым складом. Но гильдия требовала взносов.

Последняя алхимическая лампа с кваканьем раскололась, таверна выдохнула, и все разбрелись по спальням. Тая накрылась одеялом с головой и уснула мгновенно. Ей снился зелёный дым. Он закручивался в фигуру куртизанки, которая уплетала рыбные пироги.

Утром Тая истолковала сон однозначно: пирогов было много, значит, и в лаборатории уцелело больше, чем она рассчитывала. Девушка наспех умылась и засобиралась домой. Берзан увязался следом — на случай, если соседи решат, что бить алхимика надо, не дожидаясь следующего взрыва.

Через дорогу нашлись пироги. Ароматные, свежие, а количество начинки было неприлично большим для порта. Тая решила, что пекарь либо нездешний, либо у него хитроумный план. Взяли по три штуки: с сыром, с треской и с грибами. Жевали на ходу, лавируя по переулкам среди бочек, котлов и кадок с цветами.

Чем ближе они подходили к лаборатории, тем гуще становился встречный поток. Тачки скрипели под тяжестью ку-

риных туш размером с индюка. Самого индюка, доросшего до хорошей свиньи, тащили следом двое красных от натуги мужиков. Следующая пара надрывалась с носилками. С них свисала камбала, способная служить одеялом.

— С сыром — стоп! Не сработает! — голосил мальчишка на крыше. — Капусту, творог разворачиваем! Кальмар, шевелись давай!

Тая отскочила от корзины, забитой креветками размером с человеческую голову. Берзан проводил их взглядом.

— Тален на кон, что оно ещё и поёт. Твоя лужа может гордиться. Рыбаки и мясники сегодня без прибыли.

— Гордиться могу я. — Тая сунула в рот последний кусок пирога. — Ошибка — мать открытия. Лучшее в алхимии случается, когда всё идёт не по плану. — Она вытерла пальцы платком и махнула на соседские окна. — Пусть теперь хоть заикнутся об убытках — я их в кальмара засуну.

Пробиваться сквозь людей, тачки и локти становилось тяжелее. Таю размазали бы по стене, если бы Берзан не работал тараном. Девушка вцепилась в его рубашку и до самого дома шагала, как лодка на привязи.

— Мешки по тридцать фертов! — Над головами кто-то призывно размахивал тряпкой на палке. — Тележки с носильщиком и без! Довезём по кварталу за полталена!

— Холодный морс! Айвовый сидр! Орехи, гренки с чесноком!

Берзан и Тая вырвались из гущи и огляделись. Дым испа-

рился, а дохлых чаек уже подмели. Лужа разрослась втрое и на этом остановилась. Вокруг неё бурлила, галдела и ругалась толпа. Время от времени пьяными голосами завывала еда. Драки за право подобраться к заветной жиже вспыхивали и тут же гасли — всем было не до мордобоя, когда под ногами булькало чудо.

— В таком сборище точно нашёлся идиот, который внутрь полез. — Берзан нахмурился и указал подбородком на дом. — Идём. Может, успеем за руку поймать.

Они прорвались к дыре в стене и перелезли через остатки камней. Кухня погибла. Чугунная печь раскололась натрое, ледник разлетелся в щепки. Прикидывая, как долго Зетта будет кормить её бесплатно, Тая шагнула в соседнюю комнату.

Там царило неподвижное спокойствие. Ничего не украли — даже любезно добавили. Посреди битого стекла, рваной латуни и того мусора, что алхимики называют компонентами, ненавязчиво разместился труп. Платье с разрезами и смелым декольте честно сообщало о профессии покойной. Шею украшал след от петли.

Берзан замер. Пироги в животе Таи скрутились в узел. Узел не пытался вырваться наружу — он тревожно пересчитывал монеты. Счёт ещё не выставили, но баланс уже не сходился.

Берзан прошёлся вдоль тела, осматривая паршивый товар. — Ну и кто из соседей ненавидит тебя сильнее? Тая вонзила ноготь в запястье и покрутила.

— Все, — выдохнула она. — До вчерашнего — все. А после взрыва — чуть больше, чем все.

Она отступила на шаг и врезалась спиной во что-то живое. Это живое знало, когда прийти, и говорило голосом, от которого пальцы Таи каждый раз вцеплялись в кошелёк в надежде уберечь монеты.

— Госпожа Хинфан, — прозвучало почти дружески. — У вас труп.

Тая обернулась. Над ней с лёгкой улыбкой возвышался квартальный сборщик Джейз Кхаддин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.